

На правах рукописи

Колесник Владимир Иванович

**Последнее великое кочевье: переход калмыков
из Центральной Азии в Восточную Европу
и обратно в XVII и XVIII веках**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Волгоград 2003

Работа выполнена в Калмыцком государственном университете

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, профессор

Мироненко Сергей Владимирович

Доктор исторических наук, профессор

Беспрозванных Евгений Леонидович

Доктор исторических наук, профессор

Трепавлов Вадим Винцерович

Ведущая организация: Ростовский государственный университет

Защита состоится «19» декабря 2003 г. в 12.00 час.
на заседании диссертационного совета Д 24.2.029.02 в Волгоградском
государственном университете (400062, г.Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Волгоградского
государственного университета.

Автореферат разослан «10» ноября 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кузнецов О.В.

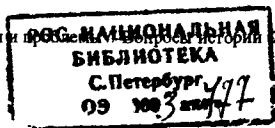
2003-A
19412

Актуальность исследования. Западные монголы, с начала XIII в. известные под самоназванием «ойраты», стали последними суверенными кочевниками евразийского степного пояса. В этом качестве они отразили в своей истории типические черты кочевой цивилизации, с одной стороны, и особенности их проявления на завершающем этапе ее эволюции, с другой. В частности, ойраты оказались единственными номадами периода позднего средневековья и раннего нового времени, которые совершили трансконтинентальные миграции и создали собственную государственность.

В первой половине XVII в. часть ойратов передвинулась из Алтая, сердцевины Центральной Азии, на Нижнюю Волгу, юго-восточную окраину Европы. В этом движении приняли участие все четыре главных ойратских субэтнуса: дербеты, торгоуты, хошоуты и чоросы. Но главную роль в нем сыграли торгоуты, составившие основную массу ойратов, расселившихся в степях от Дона до Яика и известных под именем приволжских калмыков. В 1771 г. большая часть приволжских калмыков вернулась в Центральную Азию.

В научном плане актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, дискуссионным характером одной из центральных проблем номунологии - проблемы трансконтинентальных миграций евразийских кочевников. Несмотря на длительную историю изучения, в ходе которого появилось большое количество оригинальных и плодотворных концепций, вопрос о социальной природе миграционной активности номадов до настоящего времени остается открытым.¹ Решение данной теоретической проблемы, которая тесно связана с проблемой общественного строя номадов в целом, возможно только в результате монографического изучения конкретной истории отдельных кочевых этносов. Во-вторых, научная актуальность исследования обусловлена обнаружившимся после распада в 1991 г. Советского Союза всплеском интереса к национальной истории народов, входивших в состав СССР, который, в свою очередь, был

¹ Крадин Н.Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы. Вопросы истории. 2001. № 4

продиктован потребностью этих народов, в их числе и калмыков, в исторической самоидентификации.

Политическая актуальность исследования задана вступлением в 1991 г. Российского государства в качественно новую фазу своего существования. Проблемы так называемого федерализма, разделения государственных полномочий между центром и регионами, выстраивания вертикали исполнительной власти при одновременном формировании гражданского общества в полиэтнической и поликонфессиональной стране в конечном итоге подразумевают вопрос об исторических перспективах российской государственности. Ответ на этот вопрос во многом определяется оценкой исторического прошлого Российской империи, оценкой влияния, которое она оказала на социальный прогресс, входивших в ее состав народов. Объективная оценка этого влияния невозможна без научного изучения истории взаимоотношений империи с подчиненными ей народами, в данном случае с калмыками, наибольшая миграционная активность которых пришлось на время становления Российской империи.

Степень разработанности проблемы. Начало изучению переселения калмыков на запад положил в первой половине XVIII в. Г.Ф.Миллер, который достаточно подробно воссоздал фактическую историю контактов русских и калмыков в первой половине XVII в., сопроводив ее собственными оценками, некоторые из которых имеют концептуальный характер. Так, он назвал причиной появления калмыков в Западной Сибири поражение, которое они потерпели в борьбе с восточными монголами и казахами.¹ Труд Миллера дополнила вышедшая вслед за ним и во многом основанная на его материалах работа И.Э.Фишера.²

Начало в полном смысле концептуального осмысления базовых причин ойратских миграций в XVII в. связано с именем Н.Я.Бичурина (Иакинфа), автора первого систематического изложения истории ойратов,

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири Т. 2 М., 2000 С.108

² Фишер И.Э. Сибирская история СПб., 1774

основывавшегося, в первую очередь, на данных китайских нарративных источников и использовавшего «Сибирскую историю» Фишера, а также работы П.И.Рычкова, А.И.Левшина и других российских авторов, касавшихся ойратских сюжетов. Н.Я.Бичурин, во-первых, сформулировал и отверг как недостоверную концепцию расселения ойратов от Волги до Кукунора в результате междоусобных распрей элиты и стремления части лидеров ойратских субэтносов посредством откочевки спасти свой суверенитет от государственно-объединительной политики сильнейшего из них. Во-вторых, предложил концепцию миграций как результата хорошо продуманной и согласованной военно-политической экспансии ойратских племен в духе монгольских завоеваний XIII в., одним из условий успеха которой стало главенствование над ойратами честолюбивых и решительных представителей Чоросской династии. Принципиально важно, что предпосылкой как одной, так и другой трактовки миграций Н.Я.Бичурин назвал численное умножение ойратов и обретение ими новых сил после длительного периода покоя и бездействия.¹

Первая из двух названных позиций представлена в историко-этнографических наблюдениях знаменитых российских путешественников и естествоиспытателей второй половины XVIII в. П.И.Рычкова, И.И.Лепехина, И.И.Георги,² затем в первой половине XIX в., в работах зачинателей отечественного калмыковедения Н.А.Нефедьева, А.А.Попова, Ф.А.Бюлера,³ позже, во второй половине XIX в., в трудах нового поколения калмыковедов К.И.Костенкова и М.Г.Новолетова.⁴ В начале XX в. в ее поддержку высказался Г.Е.Грумм-Гржимайло.⁵

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов с XV столетия до настоящего времени Элиста, 1999. С. 30-31, 44

² Рычков П. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 88, Лепехин И.И. Дневные записки СПб., 1771. С. 448, Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов Ч. 4 СПб., 1778 С. 4

³ Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках СПб., 1834 С. 14-15, Попов А.А. Краткие замечания о приволжских калмыках // ЖМНП 1839 Ч. XXII Отд. 2 С. 18, Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки 1846 Т. 47. № 7. С. 13

⁴ Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии СПб., 180 С. 2-3, Новолетов М.Г. Калмыки Исторический очерк СПб., 1884 С. 4-6

⁵ Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай Т. 2 СПб., 1899 С. 97.

Вторую концепцию с существенными уточнениями (А.М.Позднеев, в частности, освободил ее от державной направленности и снял тезис о тайном предварительном замысле и организационной согласованности ойратской экспансии) поддержали крупнейшие русские монголоведы А.М.Позднеев, Н.И.Веселовский, Б.Я.Владимирцов, С.А.Козин.¹

Вышеназванные авторы основывали свои суждения на источниковой базе, представленной русскими архивными документами, опубликованными Г.Ф.Миллером и И.Е.Фишером; китайскими хрониками, введенными в научный оборот Н.Я.Бичуриным; монгольскими повествованиями, полевыми материалами путешественников-естествоиспытателей и историко-этнографическими наблюдениями первых калмыцких краеведов. Но как раз для ответа на вопрос о причинах и обстоятельствах переселения значительной части ойратов из Джунгарии в Северный Прикаспий эти источники дают не так много информации. К тому же они формулировались не в результате монографического исследования, а в связи и попутно с изучением других сюжетов.

В 1920-х годах заметной вехой в развитии калмыковедения стали основанные на широком круге впервые введенных в научный оборот документов из астраханского архива и посвященных истории приволжских калмыков в целом труды профессора Н.Н.Пальмова.² Сюжет о появлении ойратов на Волге является здесь одним из многих и рассматривается в общем плане. Их миграция оценивается «как результат естественного стремления кочевых племен обособиться друг от друга» и мотивируется «ограниченностью земель, удобных для скотоводства».³ Так впервые появился тезис об экономической обусловленности трансконтинентальных ойратских кочевий.

¹ Позднеев А.А. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // ЖМНП 1886. Ч. ССXLIV. С. 142-143; Веселовский Н.И. Лекции по истории монголов. СПб., 1909. С. 97; Владимирцов Б.Я. Монгольская литература // Литература Востока. Вып. 2. Пг., 1920. С. 112; Козин С.А. Джунгария. Героическая поэзия калмыков. М.-Л., 1940. С. 79.

² Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922; Он же. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I-V. Астрахань, 1926-1932.

³ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992. С. 31-32.

В 1930-е гг. значительный вклад в изучение проблемы сделал С.К.Богоявленского, целью которого явилось монографическое исследование периода переселения ойратов на Волгу с акцентом на выявлении и введении в научный оборот новых источников. Вероятно, поэтому изложение большого и интересного фактического материала сопровождалось точными и глубокими, но в то же время осторожными и скупыми оценками. Важным в интересующем нас плане является заключение С.К.Богоявленского о том, что калмыки вели почти непрерывные войны со всеми своими соседями, включая русских, башкир, туркмен, хивинцев, балхинцев ради кочевий и добычи, а также с не меньшим ожесточением междоусобные войны за старшинство и улусы, но никогда за кочевья или уголья. Свободных мест было много, их хватало на всех. Уведенные калмыками из-под Астрахани ногайцы не хотели возвращаться, так как «у калмыков кочевных мест много и можно кочевать где пожелается».¹ Таким образом был поставлен под сомнение тезис о земельной тесноте как мотиве расселения ойратских племен.

В 1940-х гг. русско-калмыцкие отношения рассматривались в работах Н.В.Устюгова² и А.А.Новосельцова.³ Значительный фактический материал и интересные наблюдения, связанные с появлением калмыков в Нижнем Поволжье и их ролью в развитии международных отношений в Причерноморье и на Северном Кавказе в XVII столетии, которые содержатся в трудах этих выдающихся советских историков, практически не учитывались в последующей историографии, потому что порой резко диссонируют с концепцией, вскоре утвердившейся в качестве господствующей в калмыковедении. В частности, Н.В.Устюгов полагал, что только страх, основанный на опыте многих неизменно заканчивавшихся поражениями нападений калмыков на Российское государство, вынуждал их

¹ Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. 1939. С. 87.

² Устюгов А.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. 1947.

³ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. Он же. Исследования по истории феодализма. Научное наследие. М., 1994.

главного тайшу Дайчина поддерживать мирные отношения с русскими и башкирами.¹

В свою очередь А.А.Новосельский о характере военных обязательств калмыцких тайшей перед русским царем после принесения ими первых шертей на верность писал так: «В сущности, нападения калмыков и находившихся с ними в союзе частей ногайских улусов на крымцев и поддерживавших их ногаев приносило им ту же добычу, как и татарам, участвовавшим в войне на Украине и с Русским государством. Разница лишь была в том, что они несли меньше жертв».² Кроме того он отмечал, что калмыки, зачастую в союзе с татарами, нападали на русские города в 1670-е гг., т. е. в период возвышения Аюки-хана и формального подтверждения им верности русским царям.³

В 1960-е гг. проблема вхождения калмыков в состав России стала предметом исследований П.С.Преображенской⁴ и М.Л.Кичикова.⁵ Тогда же была опубликована «История Джунгарского ханства» И.Я.Златкина, который сформулировал концепцию ойратских миграций, ставшую общепринятой в советской историографии и сводившуюся к следующим основным положениям. Откочевка части ойратских улусов во главе с Хо-Урлюком, Далай-Батырем и Гуши-ханом из Западной Монголии явилась следствием глубокого социально-экономического и внешнеполитического кризиса, который в конце XVI в. переживало ойратское общество. Изначально кризис был вызван естественным ростом поголовья скота, что привело к относительной земельной тесноте. Проблема нехватки земель для хозяйственного оборота обострилась вследствие дробления феодальных владений. Неудачи в войнах с соседями привели к сокращению пастбищных

¹ Устюгов А.В. Башкирское восстание .. С 53

² Новосельский А.А. Исследования по истории феодализма С 92.

³ Там же. 106-110, 112

⁴ Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50-60-х годах XVII века // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып 1. Элиста, 1960. Она же Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1963

⁵ Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства в составе России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1963. Он же Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России Элиста, 1966.

территорий, что в свою очередь обострило междоусобную борьбу. Выход был найден в переселении части ойратских феодалов на северо-запад, в сибирские степи. Откочевки не были завоеваниями с целью восстановления империи Чингис-хана. Честолюбивые объединительные планы лидера чоросского субэтноса Хара-Хулы, разумеется, играли определенную, с течением времени даже возрастающую роль. Но вовсе не они были главной и уж тем более единственной причиной, подтолкнувшей дербетских, торгоутских и хошоутских князей к откочевке. Первыми на рубеже XVI-XVII вв. выступили в северо-западном направлении дербетские и торгоутские правители. Затем, в 20-30-х годах XVII в., форсирование централизаторской политики Хара-Хулой и Эрдени-Батуром-хунтайджи спровоцировало очередное обострение междоусобной борьбы и откочевку в 1635-1637 гг. группы торгоутских и хошоутских правителей во главе с хошоутским Гуши-ханом в прилегающие к Тибету районы Кукунора.¹

Аналогичную позицию сформулировала П.С.Преображенская, один из авторов опубликованных в 1967 г. «Очерков истории Калмыцкой АССР».² Идея о земельной тесноте как универсальной причине миграций номадов прочно утвердилась в историографии.³ Впрочем, некоторые историки, разделявшие данную концепцию в целом, оговаривали недостаточную аргументированность тезиса о земельной тесноте. В частности, Ш.Б.Чимитдоржиев, соглашаясь с тем, что именно междоусобная борьба ойратских князей в сочетании с развернувшейся войной между ойратами и халхаским княжеством Алтын-ханов побудила часть ойратского населения двинуться на северо-запад, а земельная теснота могла усилить тягу к переселению, считал необходимым заметить, что данных, свидетельствующих о росте стад и борьбе за пастбища в указанный период слишком мало.⁴

¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635-1758 2-е изд. М., 1983 С. 103-104

² Очерки истории Калмыцкой АССР Дооктябрьский период Москва, 1967 С. 80

³ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) 2-е изд. Хабаровск, 1984 С. 60-61, Бембеев В.Ш. Переселенческая политика калмыцких тайшей в конце XVI - 60-е годы XVII века // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии Элиста, 1982 С. 3

⁴ Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. М., 1978 С. 15

Таким образом, советская историческая наука, учитывая достижения всей предшествующей отечественной историографии в целом, преимущественно восприняла традицию, прослеживающуюся в работах Г.Ф.Миллера, П.И.Рычкова, И.И.Лепехина, И.Г.Георги, П.С.Палласа, Н.И.Страхова, Н.А.Нефедьева, Ф.А.Бюлера, К.И.Костенкова, М.Г.Новолетова, Г.Е.Грумм-Гржимайло, дополнив ее основополагающим положением марксистской методологии об экономической детерминированности любых явлений социального, политического или идеологического порядка.

В постсоветский период наметилась тенденция возвращения к прежним формулировкам в чистом виде. Вот каким комментарием сопровождал М.М.Батмаев цитату одного из вышеназванных калмыковедов: «Причину откочевки части ойратских улусов К.И.Костенков, - и здесь он совершенно прав, - видит в следующем: «В начале XVII столетия тайша Хара-Хула (жюнгарского рода), покорив своей власти мелких владельцев и желая ввести единодержавие и преобразования в союзе, начал стеснять права ойратов до такой степени, что некоторые нойоны с подвластными им калмыками, отделились от союза. Из числа их Хо-Урлюк откочевал в 1621 году с торгоутным родом на север и расположился в пределах Сибири, по берегам Оби, Иртыша и Тобола».¹

В конечном итоге советская историческая наука свое понимание рассматриваемого сюжета заключила в формулу «добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России», содержание которой раскрывалась, например, таким образом: «Продвижение больших масс мирно и даже дружественно настроенных ойратов к восточным границам России отвечало экономическим и политическим интересам русского государства».² Факты и наблюдения, каким-либо даже косвенным образом вступавшие в противоречие с такого рода характеристиками, рассматривались как

¹ Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. Элиста, 2002 С. 37

² Эрдинов У.Э. Историческое значение добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России. исторические корни и значение Элиста, 1984 С. 8.

недопустимые по определению, не требующие аргументированного опровержения. Например, М.Л.Кичиков, в целом положительно оценив исследование П.С.Преображенской, которая сама являлась одним из авторов теории «добровольного вхождения», счел необходимым отметить, что: «В работе зачастую обнаруживается некритическое использование документов царской администрации, вследствие чего в тексте довольно часто, в ущерб главной мысли, не в меру подробно излагаются второстепенные факты»,¹ имея в виду достаточно многочисленные эпизоды русско-калмыцких конфликтов.

В отдельных случаях постулирование теории «добровольного вхождения» акцентировалось явно в ущерб историческим реалиям и научной истине. В предисловии сборника научных трудов, посвященного 375-летию юбилея начала процесса русско-калмыцкой интеграции, авторами которого стали ведущие специалисты по калмыцкой истории, утверждается, что «в далеком 1609 году, часть ойратских племен - предков современных калмыков, покинув кочевья родной Джунгарии, начали по договоренности с Россией свою перекочевку в ее пределы»,² хотя не известен ни один источник, содержащий хотя бы намек на такого рода договоренность.

Историография возвращения приволжских калмыков в Азию началась в 1772 г., когда на берегу р. Или были установлены каменные обелиски с надписью, сочиненной императором Гао-цзуном и озаглавленной «Меморандум о возвращении торгоутов, которые по собственной воле и без принуждения в полном составе нации вернулись подчиниться Китайской империи», которую опубликовал член иезуитской миссии в Пекине о. Амио.³ Уход и возвращение калмыков рассматриваются здесь как звенья одной цепи. Откочевка торгоутов в Россию датируется рубежом XVII-XVIII вв. и объясняется борьбой между верховным правителем олетов Цэван-Рабданом

¹ Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994. С. 20

² Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России. исторические корни и значение. Элиста, 1984. С. 3

³ Memoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages ect des Chinois. Par les missionnaires de Pekin. T. 1. Paris, 1776. P. 405-418

и ханом торгоутов Аюкой. Первый был сильнее и хотел покорить второго, которому пришлось укрыться под властью русских, разрешивших ему поселиться на Волге. В ином ключе рассматриваются причины возвращения. Приволжские степи стали местом страданий торгоутов под ярмом чуждых им русских. Цины никогда не забывали о своих удалившихся подданных. Император Шэн-цзу в 1722 отправил к хану Аюке посольство, чтобы выяснить причины ухода торгоутов и обещать им имперскую помощь и защиту в случае возвращения на родные земли. В то же время подчеркивается, что само возвращение торгоутов стало для династии Цин полной неожиданностью. Мысль о том, что торгоуты случайно оказались заброшенными на чужбину, попали в окружение совершенно чуждых им во всем, и, прежде всего, в вере иноземцев и самостоятельно и добровольно приняли решение вернуться на родину предков, красной нитью проходит через весь текст. Таким образом аргументировалась идея о неизбежном объединении всего монголоязычного мира под эгидой Китайской империи и смягчались негативные для данной геополитической стратегии впечатления от геноцида джунгарских ойратов в 1755-1758 гг. Не случайно в надписи возвращение торгоутов называется самым крупным успехом правления Гао-цзуна, а о его победе в войне с Джунгарским ханством даже не упоминается, хотя эти события были связаны теснейшим образом.

Данная концепция господствует в китайской историографии до настоящего времени. Ойраты и вся их этническая территория представляется органической частью Китая. Суверенитет Джунгарского ханства либо отрицается, либо интерпретируется как временное и ограниченное торжество предательских по своей сути сепаратистских тенденций. Взаимоотношения России и ойратов трактуются либо как агрессия первой, либо как сговор с врагом вторых.¹ Лишь частично и очень не долго наблюдался в 1950-х годах отход китайской историографии от этой традиции. В обобщивших на то

¹ Гуревич Б. П., Моисеев В. А. Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII-XVIII вв. в китайской историографии // Вопросы истории. 1979. № 3

время позиции национальной историографии «Очерках Китая» (под редакцией Шан Юэ) завоевание Джунгарского ханства маньчжурами признавалось агрессией.¹ В 1960-е гг. все снова встало на свои места. Окончательное оформление в 1970-е гг. концепции «единой китайской нации», «единой родины» всех современных национальностей Китая со времен империи Хань стимулировало развитие исторических исследований в единственно возможном направлении. Применительно к нашей проблеме это проявилось в публикации в 1980-х гг. работ, названия которых говорят сами за себя: «10 тысяч ли, пройденных торгоутами при возвращении на родину», «Исследование исторических фактов борьбы против России и возвращение на родину торгоутов», «Брести тысячи ли, всей душой стремиться к родине».²

Родоначальником отечественной историографии «торгоутского побега» является капитан Н.П.Рычков, который в погоне за калмыками весной 1771 г. и опубликовал свои дневниковые записи об этой экспедиции. Работа содержит концептуальные оценки, получившие развитие в последующей историографии. В частности, автор выделил особую роль главы калмыцкого духовенства Лоузанг-Джалчина в инициировании и пропаганде идеи ухода, назвал целью откочевки надежду знати восстановить в Джунгарии ойратскую власть, обратил внимание на нежелание простолюдинов уходить из России.³

Свою оценку откочевке 1771 г. дал Н.Я.Бичурин. Его интерпретация событий во многом совпадает с китайской историографической традицией в этом вопросе. Решение об уходе было принято на совете знати и высшего духовенства и единодушно поддержано народом. Целью ухода являлось создание в обезлюдевшей Джунгарии независимого государства. Поход был крайне тяжелым и сопровождался огромными потерями. Обрести древнюю родину калмыкам удалось только ценой утраты независимости. Китайский император принял калмыков «с примерным человеколюбием» - народу была

¹ Очерки истории Китая (с древних времен до «опиумных войн») М., 1959 С. 549

² Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990 С. 13-15

³ [Рычков Н.] Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772.

оказана помощь юртами, скотом и продовольствием, знать получила титулы и должности. К этой, очевидно воссозданной по китайским источникам картине Н.Я.Бичурин добавил свои собственные наблюдения. Он снял тезис о нестерпимо тяжелом положении калмыков в России и враждебном отношении к ним царского правительства. Объяснил, что часть калмыков осталась в России из-за позднего ледостава на Волге, почему кочевавшие на правобережье калмыки не смогли присоединиться к уходившим с левого берега сородичам. Высказал мнение, что калмыки вскоре «раскаялись в своем опрометчивом предприятии» и хотели вернуться, но окруженные китайцами не смогли это сделать.¹ Наконец, Н.Я.Бичурин формулирует важнейший в плане развития всей дальнейшей калмыцкой истории вывод о последствиях ухода: «Убаши, своим побегом за границу разрушив целостность Калмыцкого народа, вместе с тем сокрушил и образ древнего его правления».²

Дальнейшее развитие тема получила в работах калмыковедов первой половины XIX в. Н.А.Нефедьев первым высказал мысль, что главной причиной ухода калмыков из российского подданства явилось ограничение их политической самостоятельности, в частности ограничение прав наместника ханства по отношению к высшему калмыцкому суду Зарго, как раз с середины XVIII века и распространившиеся в этой связи нелепые слухи о намерении правительства искоренить калмыков. Кроме того, он существенно уточнил обстоятельства подготовки ухода.³ Ф.А.Бюлер усилил и уточнил идею о свободолюбии и патриотических чувствах калмыков как главном мотиве миграции 1771 г. Ограничения самостоятельности ханов, окружение кочевий русскими военными линиями, рассказы о Джунгарии «напомнили калмыках их родину и возбудили желание освободить ее из-под власти Китая». Но речь шла не о бегстве от власти России на привольные, никому не принадлежавшие земли, а об освобождении исторической родины

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Историческое обозрение Ойратов . С 109-114

² Там же. С. 114

³ Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте СПб., 1834. С. 68-72

от захватчиков. Бюлер указал на притеснения калмыков российскими чиновниками на местах как одну и причин откочевки. Тем самым он снял ответственность с царского правительства и его политического курса в отношении калмыков.¹

Первый опыт монографического изучения темы предпринял оренбургский исследователь Ю.Костенко.² Причинами недовольства калмыков жизнью на Волге он назвал бедствия простолюдинов от произвола собственной знати при попустительстве и участии в этом русских чиновников. Таким образом, главную ответственность за уход калмыков Ю.Костенко возлагает на российские власти и даже не столько на конкретные лица и органы, сколько на политическую систему в целом, что было характерно для настроений русской интеллигенции в пореформенный период. Отсюда делается главный вывод, который в принципе невозможен в китайской историографии, когда речь идет о национальной политике: «Если остановиться на мысли, как справедливой, что калмыки были выведены из терпения и поэтому решили уйти из России, тогда справедливость заставляет думать, что неудачи Оренбургских и Сибирских начальников был к лучшему не только для бегущих калмыков, но для тогдашнего правительства и государства вообще».³

В работе М.Г.Новолетова тема впервые приобрела дискуссионный характер.⁴ Автор отверг как не подтверждающееся источниками утверждение Ю.Костенко, что главной причиной ухода калмыков стали злоупотребления российских властей, и поддержал Н.Я.Бичурина в том, что главной причиной стали интриги знати, доведшей народ до самых губительных последствий». В то же время Новолетов снял с простолюдинов ответственность за откочевку: «Мы не будем обвинять простой народ, который по данному сигналу и в виду высланных отрядов, вынужден был собраться, бросая кибитки, худой

¹ Бюлер Ф. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки 1846 Т. 47. С. 24-26.

² Юр-Ко. Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости 1869 № 5-10.

³ Там же № 10. С. 6

⁴ Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк СПб., 1884 С. 33-59

скот, даже малолетних детей и больных». И в этой связи подчеркнул, что широко распространенное мнение, что часть калмыков осталась в России лишь потому, что оказалась отрезанной от основной массы сородичей Волгой является ошибочным. На самом деле, они просто не хотели уходить в Джунгарию. Ушедший народ «покочивал с большим прискорбием». Выгоду из этого предприятия, если и извлекал, то только зная. Любопытно, что такую трактовку «торгоутского побега» в целом разделил А.М.Позднеев непримиримый оппонент М.Г.Новолетова практически во всем, что касалось общей оценки места и роли калмыков в российской истории.¹

Оригинальную концепцию «торгоутского побега» предложил автор фундаментального, основанного на широком круге источников исследования двухвековой миссионерской деятельности православной церкви среди калмыков архимандрит Гурий (Степанов), который рассматривал уход большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. как естественное следствие всей истории русско-калмыцких отношений. Он подчеркивал непрерывность связи волжских торгоутов со своей исторической родиной Джунгарией, их постоянное и настойчивое стремление к политической независимости и считал, что Россия не могла рассчитывать на симпатии калмыков. «Все русское было для калмыков ненациональным и чуждым. Оно отвергалось, как враждебное, и воспринимаемое частными лицами, клеймилось всей массой народа, как презренное и позорное. Благодаря всему этому калмыки, естественно, должны были проявлять враждебные отношения к русским, что действительно и было почти за все время их самостоятельного исторического существования в пределах России».²

Т.В.Долбежев стал первым исследователем положения бежавших с Волги калмыков под властью Цинской империи.³

¹ Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // ЖМНП Ч ССXLIV. Отд. 2. С. 166-169

² Гурий (Степанов), архимандрит. Очерки по истории распространения Христианства среди монгольских племен Т. 1. Казань, 1915 С. 159.

³ Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии Вып. 86 СПб., 1913

В национальной калмыцкой историографии первую оценку откочевке 1771 г. дал Е.Ч.Чонов. Он подчеркнул свободолюбие и независимость калмыков, которые управлялись своими родовыми начальниками, возводившимися в ханское достоинство Далай-ламой, а Калмыцкое ханство являлось самостоятельным государством, лишь юридически признававшим протекторат России. Высокомерное отношение генерал-майора де Медема к Убаши-хану побудило последнего бежать в Джунгарию. Уход имел печальные последствия для оставшихся калмыков».¹

История советского калмыковедения начинается в 1920-е гг. с работ Н.Н.Пальмова. Впрочем, к советской историографии и автора, и его исследование можно отнести только условно, в чисто хронологическом плане. По существу же они полностью принадлежат к дореволюционной либерально-буржуазной историографии. Н.Н.Пальмов развил и усилил концепцию «торгоутского побега», сформулированную М.Г.Новолетовым и поддержанную А.М.Позднеевым, содержащую тезисы о том, что калмыцкий народ ничего не знал о замысле знати уйти из России в Джунгарию и был знатью обманут. Успех антирусской агитации Н.Н.Пальмов объясняет кризисными явлениями в жизни калмыцкого общества, обострившимися в 1760-е годы. Успешная реализация планов калмыцких владельцев была облегчена недалекновидностью и ошибками российских властей. Инновацией можно считать творческое развитие Н.Н.Пальмовым мысли архимандрита Гурия об извечном стремлении калмыков вернуться на историческую родину. Правда, в понимании Н.Н.Пальмова это стремление не было связано с взаимным русско-калмыцким отторжением цивилизационного плана и не имело фатального характера.²

Первая действительно советская с точки зрения методологии концептуальная оценка «торгоутского побега» принадлежит исследователю, который проблемами калмыцкой истории специально не занимался. В 1961 г.

¹ Чонов Е.Ч. Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 г. Пятигорск, 1912 С. 25-26

² Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России Элиста, 1992 С. 92-98.

В.В.Мавродин в труде, посвященном крестьянской войне Емельяна Пугачева, заметил, что уход Убаши-хана в Джунгарию был первой «своеобразной формой борьбы против гнета царизма».¹

Развернутая характеристика «торгоутского побега» была дана шестью годами позже Н.В.Устюговым, М.Я.Поповым и Т.И.Беликовым. Они подтвердили уже имевшиеся конкретные выводы о том, что идея об откочевке из пределов России и возвращении калмыков в Джунгарию была не нова, но каждый раз проваливалась из-за в целом благоприятной для калмыков политики российских властей. Ситуация резко изменилась во второй половине XVIII в. в связи с ограничением царским правительством самостоятельности калмыцких ханов. В укреплении мысли об откочевке немалую роль сыграли высшие иерархи ламаистской церкви Тибета и правительство Китая. Для принятия окончательного решения об откочевке большое значение имело известие о гибели Джунгарского ханства и связанная с ним надежда на его месте возродить суверенное Калмыцкое ханство. Подготовка велась в течение нескольких лет в глубокой тайне, в которую был посвящен лишь сам Убаши-хан и несколько человек из его ближайшего окружения. Российские власти «прозевали» эту подготовку. Откочевка стала страшной трагедией для калмыцкого народа.² Эти выводы были приведены в соответствие с марксистско-ленинской методологией истории, которая во главу угла ставит социально-экономическую детерминированность исторического процесса и предполагает акцентирование классовой природы исторических явлений. В силу этих неизбежных в то время условий советская концепция «торгоутского побега» приобрела следующий вид. «Усиление колонизации калмыцких степей привело к сокращению пастбищных территорий со всеми вытекавшими отсюда отрицательными последствиями для производства и воспроизводства стад, приобретения земельных и промышленных товаров и т.п.

¹ Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. Т. 1. Л., 1961 С. 501

² Очерки истории калмыцкой АССР. Дооктябрьский период М., 1967 С. 212-221.

Ухудшение условий для калмыцкого кочевого скотоводства вело к сокращению доходов нойонов, которые стали искать выхода в усилении эксплуатации трудящихся и в обострении межфеодалной борьбы, ложившейся в конечном счете тяжелым бременем на плечи тех же трудящихся. Положение народных масс быстро ухудшалось».¹

Выдержанные в таком духе формулировки использовались в советской исторической литературе каждый раз, когда речь в какой-либо связи заходила о событиях 1771 года. Откочевка калмыков в Джунгарию, по словам Л.С.Бурчиновой, явилась «следствием великодержавного колонизаторского курса царского правительства в Калмыкии».² По мнению Т.И.Беликова: Уход калмыков стал «ответом на усиление экономического и политического гнета и бесцеремонного вмешательства во внутренние дела калмыков».³

Интересное развитие тема получила в 1989 г. в статье Ш.Б.Чимитдоржиева. Основной причиной ухода калмыков явилась жестокая колониальная политика царизма. Калмыцкие кочевья своей незаселенностью привлекали огромное количество безземельных крестьян, которые переселялись на калмыцкие земли. Широкое наступление царизма на Калмыцкую степь объясняется развитием торгово-промышленного капитализма в России, который требовал все более и более обширных сырьевых рынков. Усугубляло ситуацию тяжелое экономическое положение, в котором находились калмыцкие массы в результате больших поборов, двойного гнета и различных стихийных бедствий. В то же время автор акцентирует внимание на этнополитическом и религиозном единстве приволжских ойратов с Джунгарией. Автор рассматривает приход ойратов на Волгу и их возвращение в Джунгарию как звенья одной цепи. И здесь прослеживается филиация идеи, которую в наиболее завершенной и четкой

¹ Там же С. 212

² Бурчинова Л.С. Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии // Вестник института Вып 3 Элиста, 1965 С 7

³ Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева (1773-1775 гг) Элиста, 1971. С 47.

форме сформулировал представитель прерванной октябрьской революцией 1917 г. консервативно-дворянской традиции в русской историографии архимандрит Гурий (Степанов). В любом случае напрашивается вывод о том, что истинные причины «торгоутского побега» были более глубокими и сложными, чем простое ухудшение социально-экономического положения калмыков в связи с изменением политики Российской империи.¹

Новое развитие тема получила у М.М.Батмаева, который, разделяя в целом концепцию о колонизации приволжских степей и наступлении на автономию ханства как главных причин откочевки, пришел к выводу, что одним из условий откочевки стал структурный кризис, который калмыцкое общество испытало в середине XVIII века: «Новые явления – отход обедневших масс на заработки в города и села, на рыбные промыслы и длительное проживание их вне улусов, проникновение в Калмыцкую степь новых видов хозяйственной деятельности, а ввиду этого более интенсивное влияние русского населения – в определенной мере деформировали социально-экономический и хозяйственно-бытовой уклады, традиционное общественное сознание, на которых зиждилась власть кочевой знати».² Таким образом, миграция 1771 г. выступает как альтернатива перехода калмыцкого общества к новым, более высоким формам социальной организации.

Последние достижения историографии «торгоутского побега» представлены в работах Е.В.Дорджиевой.³ С одной стороны, автор развивает концепцию о социально-экономической, с ярко выраженным классовым содержанием обусловленности события 1771 года. С другой, – приходит к выводу об этнической обусловленности исхода калмыков с Волги. Так, она пишет, что определенную роль в уходе сыграли такие факторы, как неприятие калмыками русской культуры, самоидентификация волжских

¹ Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII – XVIII вв. «Торгоутский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре Монголии Новосибирск, 1989

² Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993 С. 351-352

³ Дорджиева Е.В. Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 г. Автореф. дис. канд. ист. наук. Волгоград, 1999. Она же. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Дону, 2002

калмыков как органической части ойратского социума, свойственная калмыцкой этнической психологии «санамр» – беспечность, безмятежность, халатность, жизнь одним днем.

Первым западноевропейским исследователем «торгоутского побега» стал иезуит о. Амио, подготовивший публикацию меморандума Гао-цзуна и сопроводивший ее собственным комментарием, в котором он как о не подлежащем сомнению факте пишет, что главным желанием торгоутов было счастье подчинения власти великого государя Вселенной, и что в Поднебесную империю по собственной инициативе явились все приволжские торгоуты.¹ В этом комментарии прослеживаются особенности, которые будут характерны для всей последующей в западноевропейской историографии проблемы. Это, во-первых, интерес к калмыцкой миграции 1771 г. исключительно в контексте политической истории, прежде всего в связи с борьбой Цинской империи за гегемонию в Центральной Азии. Во-вторых, базирование исследований исключительно на китайских источниках. В-третьих, оценка события в русле китайской историографической традиции. В таком плане интересующий нас сюжет специально рассматривается в работах Т. де Квинси, Х.Ховорса и Ж.Каэна.² Типичным образцом этой историографии является соответствующий раздел в исследовании М.Курана.³ Появление в Нижнем Поволжье торгоутов он объясняет вытеснением их сюда более сильными соплеменниками – зюнгарами, которые в свою очередь подверглись давлению монголов. Полуторавековое пребывание торгоутов в инородном окружении представляется вынужденным, но терпимым до тех пор, пока усилившаяся Российская империя не начала планомерную экспансию на юг. По словам Курана: «Организуясь на европейский лад и продвигаясь к югу, Россия становилась все более чуждой своим кочевым

¹ *Memoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages, etc. des Chinois* P. 1776 P. 401-404

² Quincey T. *de Revolt of the Tatars, or Flight of the Kalmuck Khan and his People from the Russian Territories to the Frontiers of China* N.Y., 1895, Howorth H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century* Pt. 1. *The Mongols Proper and the Kalmuks* L., 1876; Cahen G. *Histoire de la relation de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689-1730)* P., 1912

³ Courant M. *L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles empire Kalmouk ou empires mantchou?* Lion-Paris, 1912. P. 129-139/

подданным и все более подавляла их».¹ Русско-калмыцкому отчуждению противопоставляется китайско-калмыцкая близость. Возвращение торгоутов ознаменовало апогей Цинской династии, завершившей собирание земель и племен Центральной Азии. Отныне главной задачей императоров стала консолидация и внутреннее упорядочение государства.

В середине XX в. итоги западных исследований темы «торгоутского побега» были подведены в специальной статье К.Д.Баркманом. Характерен ее заключительный пассаж: «Обе группы, как оставшиеся, так и ушедшие, оказались под чужой властью, хотя, как показало будущее, последние пользовались большей свободой наслаждаться кочевой жизнью, хранить обычаи и исповедовать буддизм, чем их собратья на Волге. В любом случае торгоуты перестали существовать как независимый народ».² Последним по времени зарубежным западным исследованием, в котором суммируются итоги изучения калмыцкой истории в средневековый период, в том числе и по данному сюжету, является книга М.Ходарковского.³ Принципиально новых штрихов в уже имеющуюся картину она не вносит. В целом взгляды автора находятся в рамках концепции о великодержавной, колониальной политики России в отношении калмыков.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является этнополитическое объединение приволжских калмыков в XVII и XVIII веках. Предметом исследования являются миграции приволжских калмыков в указанный период.

Цель исследования - выяснение социальной природы кочевых миграций приволжских калмыков из Азии в Европу и в обратном направлении. В соответствии с поставленной целью в диссертации были поставлены следующие задачи:

1. Воссоздание хронологически последовательной, целостной и завершенной картины миграций приволжских калмыков;

¹ Ibid P. 133.

² Barkman C D. The return of the torghuts from Russia to China // Journal of Oriental Studies Vol II № 1 P. 110

³ Khodarkovsky M. Where Two World Met. The Russian State and The Kalmyk Nomads, 1600-1771 Ithaca N Y, 1992

2. Выявление маршрутов, динамики, этапов миграционной активности приволжских калмыков и в этой связи ареалов их расселения.

3. Определение исторических условий и обстоятельств, оказывавших влияние на калмыцкие миграции.

4. Выяснение внутренних причинно-следственных связей, обусловивших тенденции и динамику этих миграций.

5. Выявление отличительных особенностей и исторического своеобразия каждой из двух главных миграций приволжских калмыков.

6. Выделение главных результатов и последствий этих миграций.

7. Определение места и исторического значения миграций приволжских калмыков в истории позднего средневековья и раннего нового времени.

Хронологические рамки. В диссертации рассматривается история калмыцких миграций с начала XVII в. по 1771 г. Выбор начального хронологического рубежа обусловлен тем, что именно этим временем датируются первые факты массовых переселений части ойратов из Джунгарии на запад, положившие начало миграционному процессу, который завершился вхождением калмыков в состав России и который представлял собой последнюю волну переселений кочевников из Центральной Азии в Европу. Выбор конечного хронологического рубежа обусловлен тем, что в 1771 г. большинство приволжских калмыков организовано откочевало из России в Джунгарию, совершив последнюю историю евразийских кочевников миграцию, которая представляло собой единственное кочевье из Европы в Азию и имело своей целью возвращение на этническую родину.

Методологической основой исследования является принцип историзма, предполагающий изучение общественных явлений как развивающихся на основе определенных объективных закономерностей. Требующий рассмотрения избранных для изучения явлений с точки зрения того, в каких исторических условиях и каким образом они возникали; какие главные этапы в своем развитии проходили; при каких обстоятельствах и в

связи с какими другими явлениями развивались; во что превращались в результате свой эволюции; какие непосредственные и отдаленные последствия за собой повлекли. При изложении и анализе конкретного исторического материала в диссертации применялись историко-генетический, историко-компаративный и историко-системный методы.

Источниковая база. В диссертации были использованы калмыцкие исторические повествования: «Биография Зая-Пандиты», написанная его учеником монахом Ратнабхадрой в конце XVII в., «Сказание об ойратах», составленное эмчи (ученым лекарем) Габунг Шарапом в 1737 г., «Сказание о дербен-ойратах», написанное нойоном Батур-Убаши Тюменем в период между 1801 и 1819 гг., и анонимная «Истории калмыцких ханов», которая была записана, которая датируется 1843 г.¹ В первом из названных произведений, которое можно отнести к агиографическим источникам, приводятся в связи с жизнеописанием выдающегося общеойратского просветителя отдельные события истории приволжских событий. В остальных трех повествованиях история собственно приволжских калмыков занимает главное место. Они содержат систематизированное изложение событий, объединенных по хронологическому принципу. В каждом из них прослеживается тенденция осмыслить ход событий в свете религиозной и этнической тенденций. Эти характерные жанровые признаки дают основание отнести их к хроникам - наиболее распространенному типу произведений средневековой историографии. Объем калмыцких хроник невелик, в них приводятся одни и те же, с незначительными на первый взгляд вариациями, немногочисленные, особенно в сопоставлении с большим хронологическим охватом, факты. Однако часть этих фактов приводится только в этих источниках. Их типичный для всех нарративных источников субъективный характер имеет и положительную сторону. Очевидно, что эти факты отбирались с точки зрения их значимости, отражая восприятие и оценку исторического процесса самими его носителями. Поэтому значение данных

¹ Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / Сост. А. В. Бадмаев. Элиста, 1969.

источников невозможно переоценить. В некоторой степени эти источники дополняет работа Ю.С.Лыткина «Материалы для истории ойратов»,¹ написанная им как по материалам названных калмыцких исторических повествований, так и по устным преданиям стариков-калмыков, «помнящих старину» и сохранившихся только в передаче автора.

Китайские источники по рассматриваемой проблеме представлены, во-первых, упоминавшимся выше меморандумом императора Гао-цзуна; во-вторых, сочинением маньчжурского чиновника Чунь Юаня «Сиюй взнь цзянь Лу» («Описание виденного и слышанного в Западном крае»), полностью переведенным на русский язык и опубликованным в 1829 г. Н.Я.Бичуриным;² в-третьих, его же, но под псевдонимом Циший, сочинением «О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию», изданном в переводе С.В.Липовцова в 1820 г.;³ в-четвертых, обширной компиляцией «Мэн-гу-ю-му-цзи» («Записки о монгольских кочевьях»), созданной китайскими историками Чжан Му и Хэ Цютао, которая была издана в Китае в 1867 г., а в 1895 г. вышла в России в переводе П.С.Попова;⁴ в-пятых, резюме биографий ойратских князей Кукунора, резюме биографий князей Торгоутского аймака и отрывки из биографий князя Арабджура и Убаши-хана из «Илэтхэл шастир» («Высочайше утвержденные родословные и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана»), которые приведены в исследовании П.Пеллио;⁵ в-шестых, записками мандарина Тулишена о его посольстве к калмыкам в 1712-1715 гг., которые были опубликованы в переводе А.Леонтьева в 1782 г.⁶ Все перечисленные источники носят ярко выраженный официальный характер и откровенно тенденциозны. Тем не менее, они содержат очень интересную

¹ Там же

² Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / Пер. с кит. Иакинфа Ч 1. СПб., 1829.

³ Сочинение китайского князя Цишия «О переходе тургутов в Россию и их обратном удалении из России в Зюнгарию» / Пер. С.В. Липовцова // Сибирский вестник 1820. Ч 12.

⁴ Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / Пер. с кит. П.С.Попова. СПб., 1895

⁵ Pelliot P. Notes critiques d'histoire kalmouke. Textes. Tableaux genealogiques. P 1960

⁶ [Тулишен] Путешествие китайского посланца к калмыцкому Аюке хану с описанием земель и обычаев Российских. СПб., 1782

информацию, особенно ценную в сопоставлении с аналогичными данными из других источников. Кроме того, китайская оценка ойратских миграций важна и сама по себе, и для объективного понимания сути событий.

Что касается русских источников, то некоторые и не во всем точные сведения о появлении калмыков в Сибири сохранили восходящие к народным преданиям о завоевании Сибири и письменным и устным свидетельствам участников похода Ермака Сибирские летописи: Есиповская, Строгановская, Кунгурская и Ремезовская.¹

Единственным в своем роде источником является очерк истории приволжских калмыков, составленный В.М.Бакуниным, который прошел путь от переводчика калмыцкого языка до действительного статского советника, члена Коллегии иностранных дел. Он подолгу, порой рискуя жизнью, жил в калмыцких улусах, создал здесь сеть информаторов, лично знал Аюку-хана и очень многих калмыцких аристократов и простолюдинов, принимал участие в придворных калмыцких интригах, осуществлял и планировал русскую политику в отношении калмыков. В очерке приводятся данные о происхождении калмыков, перечисляются главные события их истории в XVII в. и первые два десятилетия XVIII в. Подробно описывается и глубоко анализируется период с 1721г. по 1735 г., которым заканчивается очерк.²

Главный объем информации зафиксировали документальные источники. Этот огромный массив материалов начал складываться в соответствующих административных структурах с момента появления ойратов в сфере жизненных интересов Российского государства, т.е. с начала XVII в. Делопроизводственные документы представлены царскими грамотами и указами, отписками царских воевод, в которых излагалось содержание полученных воеводами распоряжений вышестоящих инстанций и давался отчет о принятых мерах, событиях им сопутствовавших,

¹ Сибирские летописи. СПб., 1907.

² Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев Сочинение 1761 года Элиста, 1995

приводилась информация о пленных, беженцах и торговых людях, побывавших в калмыцких улусах и т.п. Важным видом документов являются так называемые наказные памяти или просто наказы и памяти. Это инструкции, составлявшиеся в московских приказах и местных учреждениях для послов и служилых людей, направлявшихся к калмыкам, о том, что спрашивать и что отвечать на вопросы во время переговоров. Главными в наказах были вопросы о местах кочевания калмыцких улусов, о взаимоотношениях калмыцких тайшей, о позиции их по отношению к Москве, их связях с другими государствами. Если перед отправлением в улусы посланцы получали ценные товары для вручения подарков калмыцким тайшам, их женам, детям, племянникам, то вместе с наказом составлялся роспись этим товарам. Еще одним видом документов являются статейные списки, которые, как правило, включал царский указ, наказную память послу и отчет последнего о маршруте передвижения посольства, событиях, имевших место во время осуществления дипломатической миссии, описание мест калмыцких кочевий, численность улусов, содержание не только переговоров с тайшами, но и бесед с их приближенными, улусными людьми, полоняниками. К статейным спискам примыкают записи приемов калмыцких посланцев, прибывавших в Москву и другие русские города. Особым видом источников, освещающих характер русско-калмыцких отношений, являются шертные записи (от тюркского *sart* (шерт) - соглашение, условие) о вступлении тайшей с их улусными людьми в русское подданство, первая из которых была оформлена в 1655 г., в которых фиксировались обязательства, принимавшиеся на себя калмыцкими тайшами по отношению к русскому самодержцу. Пик внимания царского правительства к калмыкам в XVII в. приходится на 1661 г., когда был создан и в течение года функционировал отдельный Калмыцкий приказ. Перечисленные виды документации обладают высокой информативностью, позволяют выделить главные тенденции в развитии русско-калмыцких отношений, проследить, как менялись цели и задачи политики России в отношении калмыков.

Делопроизводственная документация, зафиксировавшая сведения о калмыках в XVII в. отложилась в Российском государственном архиве древних актов, в фонде № 119 «Калмыцкие дела», который насчитывает 417 единиц хранения по описи № 1 и 18 единиц хранения по описи № 2 и охватывает период 1616-1719 годов. Документы расположены в хронологической последовательности, а нумерация дел в пределах годов начинается заново. События калмыцкой истории XVII в. нашли отражение и в документах других фондов РГАДА, в частности, в материалах фонда 127 «Сношения России с ногайскими татарами». Продолжением фонда РГАДА является фонд № 119 «Калмыцкие дела» Архива внешней политики Российской империи, который охватывает период 1720-1781 годов и насчитывает по описи № 1 1270, а по описям №№ 2-5 - 72 единицы хранения. Документы здесь располагаются в том же порядке, что и в РГАДА. По содержанию они разнятся, но не принципиально. Исчезли статейные списки, отписки стали называться доношениями, появились латинизированные названия документов: протоколы, промемории, рапорты, рескрипты. Значительно более подробно и разносторонне стала характеризоваться внутривластическая ситуация в Калмыцком ханстве. Материалы АВПРИ дублируются и дополняются материалами Национального архива Республики Калмыкия: фонд № 36 «Состоящий при Калмыцких делах при астраханском губернаторе», который насчитывает 423 единицы хранения и охватывает период 1713-1771 годов, и фонд № 35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии», 198 единиц хранения, 1771-1786 гг. В этих фондах в подлинниках, черновиках и копиях отложились самые разнообразные документы. Это грамоты к ханам и наместникам ханства, владельцам улусов, переписка царской администрации с калмыцкой элитой, рапорты и отчеты приставов, журналы встреч и бесед царских администраторов с нойонами и зайсангами; различные финансовые, судебно-следственные и иные документы. К сожалению, материалы в указанных фондах сгруппированы достаточно бессистемно.

Создатели документов, хранящихся в РГАДА, АВПРИ и НАРК, в первую очередь были ориентированы на то, чтобы с максимально возможной детальностью описать и проанализировать политическую ситуацию, складывавшуюся в калмыцких улусах и вокруг них. В этом важном именно для темы диссертации плане данные источники обладают высокой репрезентативностью. Но основным достоинством русских источников по сравнению с другими вышеназванными является их объективный характер. Разумеется, и в них нередки фактические неточности, неправильное толкование фактов и даже сознательная их подмена. Это было связано с тем, что зачастую, особенно в период первых ранних контактов с калмыками, представители русской администрации пользовалась информацией из вторых рук и просто слухами, неверно, в том числе и по техническим причинам (отсутствовали квалифицированные переводчики) понимали позицию калмыцкой стороны, воспроизводили целенаправленную дезинформацию, распространявшуюся калмыками по дипломатическим каналам. Кроме того, о своих действиях и их результатах царские чиновники докладывали по инстанции, не в последнюю очередь, с учетом собственных карьерных интересов, не останавливаясь перед утаиванием и прямым искажением действительности. Однако все эти материалы предназначались исключительно для служебного пользования. Они создавались не для формирования общественного мнения, не с дидактическими, как китайские исторические сочинения, задачами и не для информационного обеспечения некой политической инициативы. В них своими словами назывались и обосновывались цели государственной политики, приводились причины, ее диктовавшие, анализировались условия, в которых приходилось ее осуществлять, определялись методы и средства достижения поставленных задач, фиксировались и оценивались результаты, выявлялись причины неудач.

Значительный объем источников, так или иначе освещающих историю калмыцких миграций, к настоящему времени опубликован. Начало этому

аспекту изучения калмыцкой истории положил Г.Ф.Миллер, сопроводивший свою «Историю Сибири» приложением разнообразного актового материала, которому отведен главный объем работы. Шертные записи и другие документы законодательного плана, регулировавшие вхождение и статус калмыков в составе России, публиковались в «Полном собрании законов Российской империи».¹ Ценные источники по политической, дипломатической и военной истории калмыков, охватывающие период до 1700 г., вошли в «Акты исторические»² и «Дополнения к актам историческим»,³ а также в изданиях источников, объединенных по хронологическому и тематическому принципам.⁴ Публикации источников, проливающих свет на калмыцкую историю, важны в той связи, что представляет собой предварительную систематизацию информации, характеризующей различные аспекты калмыцкой истории.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

- впервые в историографии история калмыцких кочевых миграций исследуется в качестве самостоятельного сюжета, подробно излагается их фактическая история, выделяются отличительные особенности каждой миграции, анализируются вызвавшие их причины. Рассматривается калмыцкое направление политики Российского государства;
- трансконтинентальные кочевнические миграции в Евразии оцениваются как отличительная характеристика того периода доиндустриальной стадии развития общества, который называется средними веками. Вторжением гуннов в Европу и возвращением калмыков в

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 года. В 45 т. СПб, 1830

² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1-5. СПб, 1841-1843

³ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1-12. СПб, 1846-1875

⁴ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. - 17 июля 1610 г.) М, 1914, Русская историческая библиотека. ТТ 18, 24, 26, 29. «Донские дела». Кн. 1-4, Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1 Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.:Л, 1936, Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб документов В 4-х т. М, 1957-1976, Русско-монгольские отношения 1607-1636 Сб документов. М, 1959, Русско-монгольские отношения. 1636-1654 Сб. документов М, 1974, Русско-монгольские отношения 1654-1685 Сб документов М, 1996, и др

Центральную Азию в числе других исторических событий обозначают его начало и завершение;

- в этой связи «торгоутский побег» 1771 г. рассматривается как событие формально закрывающее период позднего средневековья и раннего нового времени. Таким образом, предлагается дополнительный аргумент в поддержку концепции, датирующей начало собственно нового времени концом XVIII в., и калмыцкое возвращение в Азию вводится в ранг событий, имеющих всемирно-историческое значение;

- обосновывается концепция о демографических процессах как первопрочине кочевнических миграций. При этом подвергается пересмотру концепция о перенаселенности степи, избыточных антропогенных нагрузках на природу и недостаточных возможностях для торговли с оседлыми обществами как главных причин периодических экспансий кочевников;

- предлагается новая периодизация истории этнополитического образования приволжских калмыков, основанная на фиксации изменений территории обитания, характера кочевания и эволюции взаимоотношений калмыков с Российским государством. В частности, предлагается пересмотреть дату «добровольного вхождения калмыков в состав России»;

- по-новому анализируются обстоятельства миграции 1771 г. В частности, существенно и принципиально уточняется маршрут кочевья, уточняются условия, определившие выбор маршрута, пересматривается оценка личности Убаши-хана, который в литературе традиционно характеризуется как слабый и недалекий правитель.

Научно-практическая значимость диссертации. Материалы, положения и выводы исследования способствуют объективному пониманию эволюции калмыцкого общества в XVII-XVIII вв., расширяют и углубляют представления о социальной и политической истории приволжских калмыков, о закономерностях развития кочевого общества. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по калмыцкой истории, истории русско-калмыцких отношений, истории

Восточной Европы, истории кочевой цивилизации в целом, а также для преподавания соответствующих разделов историографии, создания обобщающих трудов по истории калмыков, кочевников, истории региона. Результаты исследования могут быть применены при анализе причин и условий формирования современной геополитической ситуации в соответствующих регионах и перспектив ее эволюции.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования излагались в виде докладов на международной, всероссийских и региональных конференциях. Содержание диссертации отражено в 12 публикациях общим объемом 30 п.л.

Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, приложения, списка литературы и источников.

Во введении обосновывается актуальность, определяются цель, задачи, хронологические рамки и методологическая основа исследования.

В главе первой, «Литература и источники», состоящей из трех параграфов - «Историография миграций калмыков в Европу», «Историография возвращения калмыков в Азию» и «Источники», анализируется степень разработанности темы и характеризуется источниковая база исследования.

В главе второй - «Продвижение калмыцких улусов к границам Европы в первой половине XVII века», - состоящей из двух параграфов, рассматривается начальный, азиатский этап первой трансконтинентальной калмыцкой миграции. **В первом параграфе** - «Динамика и отличительные признаки мигрирования» - устанавливается, что переселение калмыков на запад представляло собой в минимальной степени организованное, медленное и осторожное приближение к границам Европы, происходившее на огромном фронте от Мавераннахра до Южной Сибири. Разведывательные походы военных дружин предшествовали переселению для постоянного кочевания на новых территориях всего улуса. Число военных предводителей - тайшей достигало нескольких десятков. Жесткая иерархия в их среде

отсутствовала. Порой тайпи действовали заодно независимо от субэтнической принадлежности, а для отражения нападений соседей согласовывали свои позиции на общезтническом уровне. Но объединение улусов под верховенством одного из вождей для захвата и освоения новых кочевий происходило преимущественно на субэтническом уровне. В движении на запад участвовали дербеты, торгоуты, хошоуты и чоросы. До начала 1630-х гг. главную роль в этом движении принадлежала дербетским и торгоутским улусам. Затем лидерство полностью перешло к торгоутам во главе с Хо-Урлюком, его сыновьями и внуками, которые к середине XVII в. прочно заняли территории по правому берегу Яика и таким образом вплотную подошли к западной границе Азии. Отсюда в 1644 г. был совершен первый и сразу же очень крупный разведывательный поход в Европу, закончившийся поражением.

Данные о земельной «тесноте» в смысле дефицита пастбищ для ведения кочевого хозяйства, в источниках не прослеживаются. Есть упоминания о «тесноте» другого рода. Калмыков в первую очередь интересовали рыболовные и охотничьи угодья в лесах. Другими словами, речь шла о территориях, необходимых для присваивающего, хотя и товарно-ориентированного и высокодоходного в условиях XVII в. хозяйства. Калмыки стремились не к вытеснению, а к подчинению местного населения захваченных территорий, превращению этого населения в своих данников. Характеристики калмыцких миграций на данном этапе типичны для переходных от доклассовых к раннеклассовым обществ. Такие социумы (германские, тюркские, монгольские, финно-угорские, славянские) были главными субъектами «великого переселения народов», начавшегося на варварской периферии Ханьской и Римской империй. Миграции ойратов представляли собой последнюю волну этих массовых передвижений и были вызваны аналогичными причинами.

Во втором параграфе - «Характер русско-калмыцких отношений» - устанавливается, что продвижение ойратов на запад носило характер военной

экспансии. Притязание на новые земли калмыки как потомки и наследники Чингис-хана обосновывали исторической традицией и доказывали собственным военным превосходством над автохтонным населением. Переселение сопровождалось постоянными нападениями на русских подданных. Но кочевать постоянно калмыки предпочитали на удалении от новых соседей, умевших далеко в степи находить и разорять подвижные поселения кочевников. Россия также старалась удерживать калмыков на удалении от своих пределов. Ее территориальный рост и политическое усиление на восточном направлении были вынужденными и достигались крайним напряжением сил. Обеспечение собственной безопасности оставалось главным вопросом внешней политики Московского государства, которое опасалось возрождения Золотой Орды. Объективно существовала угроза образования антирусского мусульманского союза. Завоевание Казани и Астрахани отдалило эту опасность. Присоединение Сибири развивало данную оборонительную инициативу, встреча здесь с калмыками усложняла ее реализацию. Сам факт их неожиданного, с неопределенными целями появления у русских границ дестабилизировал ситуацию. Народности Сибири связывали с приходом калмыков надежды на освобождение от недавно установившейся русской власти. Расстояние представлялось главной гарантией безопасности друг от друга в равной степени и русским, и калмыкам.

Несмотря на частые калмыцкие набеги и ответные походы на калмыков служилых людей в генезисе русско-калмыцких отношений доминировало стремление к сотрудничеству. Для тайшей приоритетной задачей являлось установление стабильных торговых связей с Россией и обеспечение в ее лице надежной опоры в борьбе с другими кочевниками. В обмен на это они готовы были создавать видимость вступления в российское подданство. Для России важно было включить калмыков в сферу своей государственности. Во имя этого она была готова мириться со своеволием тайшей, в том числе с нарушениями договоров и регулярно повторявшимися набегами. При этом

стороны не хотели связывать себя какими-либо конкретными обязательствами. Шерти о вступлении в русское подданство никогда не приносились тайшами лично и легко ими дезавуировались. Шертные договоры заключались дипломатическими агентами низкого ранга и в устной форме. Их смысл трактовался сторонами по-разному. Шерти не несли никакого конкретного содержания применительно к понятию подданства. Ни в одной из них не говорилось о том, что калмыки обязывались к несению военной службы, уплате дани, подчинению действию российских законов. Если допустить, что стороны соглашались с такими условиями по умолчанию, то не было отмечено ни одного прецедента их выполнения. Калмыки на самом деле не хотели быть подданными Русского государства и не дали ни одного реального основания считать их таковыми. В свою очередь Москва ни разу не дала согласия на поселение калмыков на тех территориях, которые определенно принадлежали российскому государству. Географически калмыки продолжали оставаться за его границами России и не приняли статуса российских подданных по существу. Причиной замедленности сближения сторон было стойкое взаимное недоверие, обусловленное цивилизационной отчужденностью.

В главе третьей - «Интеграция калмыков в состав России во второй половине XVII века», - состоящей из двух параграфов, рассматривается завершающий этап калмыцкой миграции в Европу. В первом параграфе - «Включение калмыков в политическую систему Российской государственности в 1650/60-е гг.» - прослеживается процесс их расселения в междуречьях Яика, Нижней Волги и Дона. Для России к середине XVII в. усложнились проблемы сохранения, контролирования и расширения территориальных приобретений на южном направлении. В связи с русско-польской войной 1654-1667 гг. дополнительную остроту приобрели отношения с Османской империей и Крымским ханством. Для сдерживания сателлитов Турции в Причерноморье и на Северном Кавказе Россия нуждалась в союзнике, обладавшем высоким и мобильным военным

потенциалом, которым могли стать только калмыки. Особо стоял вопрос о заселении названных территорий и о лояльности населения к Российскому государству. В полном смысле слова русскими подданными в бассейнах Нижней Волги и Дона можно было называть только служилых людей, сосредоточенных в немногих и небольших городах-крепостях. Ногайцы, потомки населения Золотой Орды, в силу понятных причин тяготели к Бахчисараю и Стамбулу, уходили от русской власти на Кубань, в Крым и далее на запад. Донские казаки в своем отношении к государству немногим отличались от соседствовавших с ними иноверцев. Они отстаивали свою независимость вплоть до права на самостоятельную внешнюю политику. Впервые Донское войско впервые было приведено к присяге на верность царской службе только в 1671 г. В таких условиях калмыки представлялись не самыми худшими подданными.

В ойратском обществе к этому времени определились три центра становления государственности - хошоутский на оз. Кукунор, чоросский в Джунгарии и торгоутский на Волге. Развитие ранней государственности приволжских калмыков требовало дальнейшего отдаления от этнической метрополии, приобретения особой территории расселения, создания правящей династии, военных побед, международного признания. Все эти условия можно было выполнить с помощью России и ценой частичного отказа от суверенитета. При тайшах Дайчине и Мончаке появились первые шертные записи о принятии калмыками русского подданства. Шертования происходили с личным участием калмыцкой знати и скреплялись сакральными обрядами. В шертях оговаривались конкретные условия военной службы Русскому государству и ограничения внешнеполитической самостоятельности калмыков. При этом они сохраняли полную внутреннюю автономию. В обеспечение верности калмыки стали выдавать русским властям заложников. В обмен они получили право на кочевание в границах России, царское жалованье и торговые привилегии. Несмотря на неоднократные отступления тайшей от обязательств, добровольное

вхождение калмыков в состав Русского государства можно считать свершившимся историческим фактом с момента принесения первой письменной шерти в 1655 г. Этот акт был вызван исторической необходимостью и отвечал долгосрочным стратегическим интересам сторон.

Во втором параграфе - «Образование Калмыцкого ханства в 1670-90-х гг.» - анализируются обстоятельства, обусловившие закрепление расселения калмыков в бассейне Нижней Волги. Этнополитическая поляризация являлась одной из доминирующих тенденцией эволюции ойратского социума в XVII в. Далай-лама пожаловал ханский титул в 1690 г. лидеру приволжских калмыков Аюке-хану, а в 1697 г. - лидеру чоросов Галдан-Бошоту-хану, власть которых тем самым получила высшую в ойратском мире санкцию. С этого момента сближение Калмыцкое и Джунгарское ханства предполагало подчинение первого второму, у которого при прочих равных условиях имелось важнейшее геополитическое преимущество - оно развивалось на территории общеойратского этнического очага. Для сближения такой ценой не существовало настоящей необходимости. Ойратам в этот период не угрожала реальная опасность извне. Таким образом, удаление от этнической родины стало гарантом государственного суверенитета приволжских торгоутов. Аюка перенес центр Калмыцкого ханства на Нижнюю Волгу, раздвинул его границы от Эмбы до Дона. При этом западная часть европейских кочевий калмыков оказалась внутри, а восточная - вне границ Русского государства.

Аюка давал шерти в 1673, 1677, 1681, 1683 и 1685 гг., формально подтверждавшие российское подданство калмыков. Фактически его суверенитет постоянно возрастал. Он независимо осуществлял внутреннюю и внешнюю политику, поддерживал дипломатические контакты с иностранными государствами, в их числе и враждебными России, и выполнял шертные обязательства ровно настолько, насколько считал нужным. Быстрое развитие атрибутов государственности укрепляли Аюку в сознании собственной суверенности, и именно с этой позиции он выстраивал

отношения с Россией. В 1697 г. Аюка подписал с князем Голицыным «Договорные статьи», дав тем самым понять о своих претензиях на изменение взаимного статуса сторон. Такому развитию ситуации благоприятствовала недостаточность государственных ресурсов России в регионе, особенно проявившаяся во время Крестьянской войны 1670-1671 гг. и не преодоленная до начала XVIII в. Русским царям приходилось мириться с амбициями калмыцкого хана во имя стратегических целей, достижение которых во многом зависело от военного союза с ним.

В главе четвертой - «Калмыцкое ханство в первой половине XVIII века», - состоящей из двух параграфов, анализируется статус калмыков и характер русско-калмыцких отношений. В первом параграфе - «Российско-калмыцкие отношения: проблема суверенитета Калмыцкого ханства» - устанавливается, что главным процессом калмыцкой истории в этот период была осложненная вмешательством российской власти династическая борьба, инициированная ханом Аюкой. С целью отстранения от престолонаследия своего старшего внука Досанга в пользу его дяди и своего младшего сына Церен-Дондука он в 1722 г. обратился за помощью к Петру I. В свою очередь после его кончины в 1724 г. все претенденты на ханский титул попытались заручиться поддержкой царской власти. В этих условиях российская администрация добилась от владельцев принесения шерти, которая фактически сводила на нет суверенитет Калмыцкого ханства. Была учреждена должность наместника ханства, на которую правительство назначило Церен-Дондука, наиболее прогнозируемого из наследников Аюки. Легкость, с которой все это было достигнуто, побудила астраханского губернатора А.П.Волынского к форсированию курса на интеграцию калмыков в состав России, в частности путем опиравшейся на государственную поддержку христианизации калмыков. Такая политика вызвала протест владельцев, который перерос в феодальную войну формально против Церен-Дондука, фактически против калмыцкой политики России. Оппозицию возглавил Дондук-Омбо. Наместник ханства лишь

номинально обладал властью. Он был не в состоянии обеспечить выполнение обычной военной службы калмыков. Российская империя оказалась перед необходимостью держать в ханстве войска для защиты Церен-Дондука. Контроль над калмыками такой ценой не имел смысла. Лояльный Церен-Дондук был отрешен от власти, его полномочия переданы мятежному Дондук-Омбо. Царская администрация отказалась от какого-либо вмешательства во внутренние дела ханства. Дондук-Омбо восстановил единство и военную мощь калмыков, которые сыграли важную роль в русско-турецкой войне 1735-1739 гг. Результатом междоусобиц и деспотического правления Дондук-Омбо стал социальный кризис калмыцкого общества, выразившийся в уменьшении численности и материальном оскудении населения. Дондук-Даши, преемник Дондук-Омбо, уже не мог осуществлять власть без опоры на политическую, военную и материально-техническую помощь России. Это создавало условия для активного вмешательства во внутренние дела ханства. Существенно был ограничен внешнеполитический суверенитет. Россия присвоила себе право возведения нойонов в должность наместника и право пожалования наместнику ханского титула. Однако, памятуя уроки 1720/30-х гг., царское правительство старалось не вмешивалась во внутренние проблемы ханства, предоставив их регулирование самим калмыкам по их законам.

Во втором параграфе - «Территориальный вопрос» - прослеживается замыкание калмыцких кочевий, которое произошло в связи с созданием пограничных укрепленных линий - Царицынской, Самарской, Нижнеяицкой и Азовско-Моздокской. Граница начиналась от большой излучины Дона и шла на восток до Царицына, от которого поднималась по Волге до Самары, отсюда в восточном направлении по р. Самаре тянулась до Оренбурга, от которого спускалась по Яику на юг Гурьева, отсюда берегом Каспийского моря следовала до Кизляра, откуда по Тереку шла до Ставрополя и далее через бассейны Маныча и Сала к Дону; вдоль русла которого затем поднималась на северо-восток к началу Царицынской линии. Некалмыцкое

население было представлено здесь служилым, посадским и казачьим населением городов, крепостей и форпостов, расположенных в основном по периметру данной территории. Никакой крестьянской колонизации в XVIII в. здесь не было, волна переселенцев хлынула сюда лишь во второй четверти XIX в.

В этих границах площадь калмыцких кочевий составляла более 450 тыс. км², или 45 млн. га. Максимальное поголовье скота в самые благополучные годы не превышало 2,5 млн. условных единиц крупного рогатого скота. На содержания каждой требуется от 4,9 га сбитых до 9 га сильно сбитых пастбищ. Кочевой выпас данного поголовья на данной площади не мог вызвать деградацию пастбищ. Но даже в этом варианте их экологическая вместимость не была исчерпана даже наполовину. Тезис о структурном кризисе калмыцкой экономики, возникшем в результате избыточной нагрузки увеличившегося поголовья скота на сократившиеся пастбищные площади не находит подтверждения. Такого рода кризис перепроизводства по определению не мог угрожать экстенсивной и застойной экономике кочевого общества.

Понятия кочевников о достаточном или недостаточном количестве земли затруднительны для современного восприятия. Но объективный смысл в их сетованиях на «земельную тесноту», если не пытаться связывать его с хозяйственными отношениями, имелся. Своеобразная клаустрофобия была характерна для доиндустриальных обществ с примитивной экономикой и подвижным образом жизни. Гарантии выживания и сохранения суверенитета такие общества видели в избыточном объеме природных ресурсов, возможности сменить среду обитания, ставшую непригодной по причине природных или социальных катаклизмов, защититься от угрозы нападения соседей расстоянием. Отсюда их всегда болезненная реакция на любое установление границ, сжимавших пространство, которое они привыкли считать своим. Укрепленные линии обозначили издавна существовавшие пограничные зоны, разделявшие калмыков с их традиционными соседями:

башкирами, казахами, дагестанцами, чеченцами, адыгами, кубанскими татарами и донскими казаками. Прежде они были совершенно открыты и беспрепятственно проникаемы для калмыцкой конницы и конницы их противников. Взаимные набеги воспринимались как естественная составляющая образа жизни, и у кочевников имелись собственные, столетиями отработанные механизмы компенсации последствий таких набегов. Сооружением пограничных линий началась практическая реализация курса царского правительства на то, чтобы поставить отношения калмыков с их природными соседями под контроль и выстраивать их по новой, совершенно чуждой для степняков модели. Поэтому появление русских укреплений по периметру кочевий воспринималось калмыками как серьезная угроза и провоцировало антирусские настроения.

В главе пятой - «Предпосылки «торгоутского побега» 1771 г.», - состоящей из трех параграфов, анализируются обстоятельства, предопределившие миграцию калмыков в Азию. В первом параграфе - «Мотивация и подготовка откочевки калмыцкой элитой» - устанавливаются, что начало формированию миграционных настроений положили два события 1758 года: во-первых, уничтожение Цинской империей Джунгарского ханства и прибытие на Волгу спасшихся от маньчжурской резни джунгарских ойратов; во-вторых, пожалование Российской империей наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даши титула хана с одновременным возведением в должность наместника ханства его сына Убаши. Гибель Джунгарского ханства создала проблему возрождения ойратской государственной традиции в очаге ее возникновения и освободила пространство для реализации неудовлетворенных амбиций элиты приволжских калмыков. Учреждение соправительства обеспечило относительно безболезненное наследование власти в Калмыцком ханстве. После кончины в 1761 г. хана его полномочия автоматически перешли к наместнику ханства. Интриги других претендентов на власть были быстро погашены российской администрацией. Впервые переход власти в

Калмыцком ханстве осуществился без войны и крови, целиком в соответствии с планами царской администрации и без каких-либо затруднений для нового правителя.

Эмигранты из Джунгарии были приняты на Волге как младшие родственники и оказались в приниженном положении. Они начали пропаганду идеи возвращения на родину предков, рассчитывая в случае успеха повысить свой социальный статус. Лидеры приволжских калмыков, проигравшие Убаши в соперничестве за верховную власть, поддерживали эту идею. Они рассчитывали в случае неудачи отстранить от власти Убаши как мятежника руками царского правительства, в случае успеха сделать то же самое своими силами. В 1762 г. царская бюрократия под впечатлением своих успехов в организации передачи власти и устройстве джунгарских ойратов на Волге начала реформирование системы внутреннего управления в Калмыцком ханстве. Инновации заключались в придании Зарго, ханскому совету, отдельных признаков органа представительной власти, перераспределении властных полномочий между наместником ханства и Зарго в пользу последнего и усилении контроля царской администрации над наместником и Зарго. Объективно данные преобразования были направлены на стабилизацию социальной ситуации в ханстве и укрепление положения наместника. Но Убаши воспринял их как угрозу своей власти и поддержал идею возвращения на этническую родину. Еще одним активным сторонником возвращения стало ламаистское духовенство, опасавшееся христианизации калмыков.

Во втором параграфе - «Непосредственная подготовка откочевки» - устанавливается, что накануне миграции в калмыцком обществе сложился достаточно редкий исторический феномен - так называемый негативный консенсус. Конец 1760-х годов ознаменовался неблагоприятными природно-климатическими явлениями, вызвавшими падеж скота. Простолюдины бедствовали, калмыцкую элиту раздирали противоречия. Наместник ханства Убаши, его главный соперник в борьбе за верховную власть над калмыками

нойон Цебек-Доржи, стремившийся к независимости джунгарский тайша Шеаренг, глава ламаистской церкви в Калмыкии лама Лоузанг-Джалчин преследовали разные и порой диаметрально противоположные цели, но единственный способ их достижения видели в освобождении от власти Российской империи и возвращении в Джунгарию. Калмыцкая элита сама верила, что главным источником всех ее проблем и главным препятствием на пути их решения является Россия. В условиях привлечения калмыцкой конницы к участию в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. легко удалось убедить в пагубности российского подданства простолюдинов. Распространялись слухи о намерении правительства записать калмыков в солдаты, о захвате калмыцких кочевий колонистами. Откочевка подготавливалась в течение нескольких лет. Признаки нарастающего недовольства калмыцкого общества были очевидны. Имелись прямые свидетельства готовившегося ухода, в том числе информация нойона Замьяна. Коллегия иностранных дел не разглядела в них серьезной обеспокоенности калмыков собственным положением и не приняла во внимание позицию астраханского губернатора Н.А.Бекетова, настаивавшего на необходимости принятия срочных мер для предотвращения побега. Это произошло потому, что в Санкт-Петербурге ситуация анализировалась исключительно под европейским углом зрения без учета особенностей развития и ценностных ориентаций, свойственных калмыцкому обществу. Конкретная и подтвержденная независимыми источниками информация о планировании и подготовке калмыцкой элитой побега из России была признана недостоверной:

В третьем параграфе - «Демографический фактор» - анализируется связь миграционной активности с динамикой численности калмыков. Существовал порог роста численности калмыцкого населения, который находился в районе 300-тысячной отметки, и который оно не смогло преодолеть. Каждый раз по его достижению общество испытывало кризис, сопровождавшийся депопуляцией вследствие либо откочетов, либо

междоусобных войн. Ойратам был свойственен традиционный тип воспроизводства населения, главными характеристиками которого являлись высокие рождаемость и смертность. При неблагоприятных обстоятельствах убыль населения могла перекрывать естественный прирост. С другой стороны, высокая рождаемость в сочетании с механическим приростом обеспечивали быстрое восстановление и увеличение численности населения после демографических кризисов. Последствия роста населения были неоднозначны. У калмыков с достижением указанной отметки дальнейший демографический подъем превращался в острую социальную проблему. Традиционные методы управления кочевым сообществом в целях сохранения его целостности, поддержания стабильности и обеспечения внешней безопасности утрачивали свою эффективность. Увеличению населения сопутствовало развитие этнической и социальной дифференциации. Умножалась социальная элита, росли ее амбиции. Борьба за власть выливалась в политический кризис.

Для выхода из кризиса открывались два пути. Один был ориентирован на кардинальную перестройку общества. Ее составными частями являлись: выделение в качестве единственной правящей династии одной из ветвей связанных кровными узами элиты; превращение всех остальных кланов в вассальную должностную элиту на службе у первой; разрыв родоплеменных связей элиты с подвластным населением. Преобразование социально-политической структуры общества дополнялось социально-экономическими новациями. Для реализации подобной программы требовались время и лидеры, способные переступить через традиционные ценности. Другой путь был традиционным и заключался в разделении этнической общности по субэтническому принципу и откочевку слабейших улусов на новые земли. В этом варианте население сокращалось до уровня, за которым вновь становились действенными традиционные властные механизмы. Оба способа преодоления кризиса были сопряжены с жертвами. Разорение, изгнание и уничтожение одной части элиты другой сопровождалось гибелью

значительной части подвластного населения. В первом случае они страшили своей неизвестностью. Но во втором они воспринимались как знакомое и неизбежное зло, с которым легче смириться, чем с неизвестностью. Но во второй половине XVIII в. выбора у калмыков уже не было. Инновации навязывались извне. Возможность междоусобных войн на территории Российской империи была исключена. Оставался единственный выход - откочевка. Своеобразие ситуации состояло в том, что откочевывала не меньшая часть, а основная масса приволжских калмыков. В XVII в. тайши уводили свои улусы, спасаясь от подчинения более сильным лидерам и раздвигая тем самым границы обитания ойратского этноса. В 1771 г. объединившаяся калмыцкая элита уводила весь народ, чтобы защитить средневековый суверенитет от наступления европейской государственности нового времени, возвращая ойратов в границы первоначального обитания.

В главе шестой - «Последнее великое кочевье», - состоящей из двух параграфов, рассматривается миграция 1771 г. В первом параграфе - «Бегство из России» - рассматривается ее первый этап, который охватывает январь - май месяцы. Калмыки начали движение 5 января с левого берега Волги на пространстве от Камышина до Астрахани фронтом в 500 км. 18 - 21 января вышли к Яику между Калмыковым городком и Гурьевым на участке протяженностью 200 км и форсировали его. 18 февраля вышли к р. Эмбе и остановились здесь на отдых. Расстояния в 350 км от Волги до Яика и 400 км от Яика до Эмбы были пройдены соответственно за 15 и 20 дней. В первых числах апреля калмыки продолжили путь и 10-15 апреля преодолели Мугоджарские горы. В начале мая они достигли северной оконечности гор Улытау. Главная тактическая задача этого этапа кочевья заключалась в том, чтобы оторваться от преследования российских войск. Поэтому кочевье происходило с беспрецедентной стремительностью и по согласованным маршрутам. Было выделено авангардное, фланговое и арьергардное обеспечение. Фактор внезапности и стремительность позволили покинуть пределы России почти без потерь. Только у Калмыковой крепости яишким

казакам удалось задержать промедлившие с форсированием Яика улусы владельцев Асархо и Маши. Первые нападения казахов в апреле на Эмбе были отражены с незначительными потерями.

За зиму были подготовлены и в 10-х числах апреля в погоню за калмыками выступили два конных корпуса - подполковника Могутова из Оренбурга и полковника фон Траубенберга из Орска. На Сибирских укрепленных линиях были сформированы отряды, чтобы перехватить калмыков, когда они выйдут в южно-сибирские степи. Фон Траубенберг и Могутов должны были соединиться с казаками Нурали-хана и пересечь дорогу калмыкам в верховьях Тургая и Терсаккана, стекающих с Улытау. 3 мая произошла встреча фон Траубенберга с Нурали-ханом. Вместе они 12 мая вышли к Терсаккан, притоку Ишима, но калмыков не обнаружили. 13 мая фон Траубенберг принял решение прекратить и 16 мая повернул на север. В первых числах июня он вывел своих людей к Усть-Уйской линии. Сюда же вышел подполковник Могутов, который несколько дольше пытался преследовать калмыков. На поиски калмыков была отправлена команда подполковника Титова. Она углубилась в степь приблизительно на 300 верст, но калмыков не обнаружила и вернулась в Усть-Уйскую крепость. Наместнику Убаши удалось ускользнуть от преследователей благодаря гениальному маневру. Почти настигнутый фон Траубенбергом в верховьях Терсаккана он не продолжил, как этого ожидали преследователи, путь на восток вдоль Сибирских линий, а повернул на юг и вышел к южной оконечности Улытау. Трудно осуждать решение фон Траубенберга: калмыки вдруг растворились в степи, драгуны и казаки устали, запасы продовольствия подходили к концу. Он не хотел рисковать людьми и, по-видимому, был прав. Командующий войсками на Сибирских пограничных линиях генерал-майор Станиславский, который к этому времени подготовил 3000 корпус, тоже не решился послать его за калмыками, которые находились неизвестно где. Таким образом, к середине мая наместник Убаши решил первую и главную из задач, которые обеспечивали конечный успех предприятия, -

избавился от преследования русских. Достижение этой промежуточной цели обозначило завершение первого этапа миграции.

Во втором параграфе - «Возвращение в Китай» - рассматривается второй, завершающий этап миграции, который приходится на июнь - август месяцы. Избавление от преследования русских стоило наместнику Убаши отказа от возвращения на этническую родину самым удобным путем через южно-сибирские степи, которым калмыки в XVII в. пришли на Волгу. Избежать преследования казахов было невозможно. Султан Аблай обнаружил калмыков у р. Ширин-Шилик. Здесь произошло сражение с большими потерями с обеих сторон. Захоронение торгоутских воинов стало главной приметой урочища, и название «Калмаккырган» («Калмыцкая могила») вытеснило название «Ширин-Шилик». Остановить торгоутов не удалось. Они повернули на восток и, обогнув с севера Голодную степь, вышли к оз. Балхаш. Расстояние в 600 км было преодолено за месяц. Здесь на р. Мойынты их окружили объединенные силы казахов. Убаши договорился с казахскими ханами и султанами о трехдневном перемирии, которое было использовано для подготовки прорыва. Калмыки разделились. Потерявшие коней, больные и слабые, которых было до 20 тыс. человек, остались у Мойынты. Убаши с главной группой вырвался из окружения и вдоль западного берега Балхаша по восточной окраине Голодной степи ушел на юг. От южной оконечности Балхаша он пошел вдоль хребта Айтау на юг, оставляя по левую руку пустыню Таукум. Сменившие казахов киргизы оттеснили его на север в пески Таукум. Из песков калмыки вышли к впадающей в Или р. Курты. Здесь их и поджидали обошедшие пустыню киргизы. Отбив их наскоки, Убаши поднялся вверх по Или до впадения в нее р. Каскелен, где в начале августа его встретили передовые маньчжурские посты. Этот последний отрезок пути длиной в 700 км был пройден примерно за месяц. Оставленные у Мойынты пошли на восток вдоль северного берега Балхаша. В пути они постоянно подвергались нападениям казахов и почти все погибли в боях, от голода и болезней или были пленены казахами.

До Джунгарии дошли около 75 тыс. человек из 210 тыс. начавших движение от Волги. Цинны с почетом встретили торгоутов и оказали им помощь продовольствием, одеждой, жильем. В Китае торгоуты были расселены на огромной территории в виде изолированных друг от друга горными хребтами и пустынями военно-административных округов, что сделало невозможной их дальнейшую национальную консолидацию не только на общеиратском, но и на субэтническом - торгоутском, дербетском, хошоутском уровнях, чего, собственно, и добивалась Китайская империя. В Российской империи с уходом калмыков прекратило свое существование Калмыцкое ханство, что было зафиксировано рескриптом Екатерины II от 19 октября 1771 г. Все оставшиеся в России калмыки численностью около 90 тыс. человек были переведены на правый берег Волги. Компактное расселение в сочетании с сохранением царским правительством за калмыками национально-культурной автономии спасло их от ассимиляции и обеспечило им возможность для восстановления численности населения и этнической консолидации как главного условия для возрождения национальной государственности в XX веке. В этом наиболее значимый для калмыцкого народа аспект политики Российской империи, в котором она была диаметрально противоположна Цинской империи.

Независимо от общей оценки последствий и исторического значения миграции торгоутов под предводительством Убаши невозможно не признавать выдающийся и героический характер самого перехода с берегов Волги к берегам Или. Это было действительно Великое кочевье, уникальное не только тем, что больше миграций кочевников такого масштаба не было. Не было таких необычайно быстрых даже для кочевников миграций. Далее, история не знает кочевий настолько согласованных, с заранее выверенными задачами и планом маршрута, включавшим конечную точку маршрута и действия на опережение противника. Наконец, калмыки проявили удивительные и беспримерные даже для степных кочевников выносливость, мужество, самоотверженность. Невозможно также, чтобы им

предводительствовал недалекий и слабовольный правитель, каким зачастую представляется в исторической литературе Убаши.

В заключении сформулированы основные выводы диссертации. Переселение ойратских субэтносов в XVII в. из Центральной Азии в Восточную Европу представляло собой завершающим эпизодом крупномасштабных этнических миграций, которые в средние века перманентно происходили на варварской периферии Евразии. Начальным и одновременно кульминационным периодом данного исторического процесса, инерция которого охватила не только всю Европу, значительную часть Азии, но затронула и Северную Африку, стало Великое переселение народов.

Первопричиной миграций был рост количества и плотности населения и соответственно нараставшее социальное давление в центре зон расселения этнических общностей, переживавших переход от доклассовых к раннеклассовым отношениям. На этом этапе традиционные социальные связи становились малоэффективными. Из двух фундаментальных принципов, характеризующих структурные связи в таких общностях, - солидарности и сегментации, - начинал доминировать второй. Сегментация сглаживала остроту социального кризиса, восстанавливала эффективность традиционных связей, усиливала солидарность внутри отделившегося от основного ядра и оказавшегося в иноплеменном окружении субэтноса. Затем ситуация повторялась.

Этим механизмам подчинялись все евразийские варварские сообщества: монгольские, тюркские, финно-угорские, славянские, германские, семитские. Среда обитания и заданная ею приоритетность хозяйственных занятий не имели решающего значения. Демографическое давление толкало на переселения племена из скандинавских лесов, уральской тайги, монгольских степей, аравийской пустыни. В то же время природные условия влияли на интенсивность и продолжительность миграционных процессов. Степные просторы Центральной Азии и Восточной Европы, кочевая экономика позволяли эксплуатировать миграционные механизмы как

способ выхода из кризиса в течение более длительного времени, чем ограниченные пространства и земледельческая экономика Западной Европы.

Вектор варварских миграций был один и тот же - они стремились к границам и в пределы цивилизованного мира, представленного античными и феодальными государствами. Взаимодействие с ними ускоряло и облегчало варварам переход к цивилизации. Формы взаимодействия определялись исторической конъюнктурой. Одним полюсом такого взаимодействия было завоевание варварами главных цивилизационных центров античности Римской и Ханьской империй и строительство на их обломках новых этнополитических образований. Другим - поглощение варварской периферии Российской и Цинской империями, главными сверхдержавами позднего средневековья и раннего нового времени. В обоих вариантах происходила ассимиляция варварских этносов. Но в первом случае они выступали в роли завоевателей, поэтому влияние чужой более высокой культуры не оценивалось как опасность и легко принималось. Во втором случае они становились объектом колонизации, инновации не являлись их собственным выбором, происходившие изменения не зависели от их воли, последствия утраты традиций не прогнозировались, поэтому даже незначительные проявления адаптации воспринимались как угроза существованию и отвергались.

Своеобразие калмыцких трансконтинентальных кочевий было связано с тем, что они пришлись на период поздних средних веков и раннего времени. К этому времени варварская периферия, доступная для кочевых миграций, была ограничена центральной частью евразийских степей. Поэтому миграция не привела калмыков к радикальной смене природно-климатических условий, что могло бы стимулировать их переход к отличному от кочевого социально-экономическому укладу.

Калмыки не завоевали, а вытеснили своих соперников из Нижнего Поволжья и поэтому сохранили этническую и социальную однородность. Их предшественниками здесь были только кочевники, которые не оставили ни

материально-технической базы, ни исторического опыта, которые могли бы стимулировать социально-экономический прогресс.

На завоеванной территории калмыки оказались в равноценном цивилизационном окружении. Башкиры, казахи, горские народы Северного Кавказа, ногайцы, кубанские татары, донские казаки не могли познакомить калмыков с принципиально новым социальным опытом, а добыча от набегов на них не могла быть настолько большой, чтобы стимулировать социальную дифференциацию.

К тому же калмыки разительно отличались от своих новых соседей в антропологическом, лингвистическом и конфессиональном плане, что усиливало взаимную отчужденность и стимулировало этническую солидарность.

Все это вместе взятое способствовало консервации традиционных основ калмыцкого общества и, в первую очередь, его социально-экономического уклада. В то же время постоянное обитание фактически на военном положении в инородном окружении требовало оптимизации механизмов защиты от внешней опасности. Таким наиболее эффективным механизмом была собственная государственность, которая стремительно развивается у приволжских калмыков во второй половине XVII в.

Внутренние кризисы роста, периодически поражавшие общество приволжских торгоутов, в целом благополучно разрешались как традиционными методами, так и с использованием средств совершенствовавшейся политической надстройки. Положительную роль в их преодолении сыграло Российское государство, которое объективно было заинтересовано в существовании сильного Калмыцкого ханства.

С середины XVII в. приволжские калмыки официально считались российскими подданными. Фактически они оставались независимыми, более того, находясь в составе России, в течение всей второй половины XVII в. укрепляли свой государственный суверенитет. Тайши проводили политический курс Москвы ровно в той мере, в какой он отвечал их

собственным интересам. В первой половине XVIII в. у России появилась возможность непосредственно воздействовать на ситуацию в Калмыцком ханстве. Однако первые же попытки ее реализовать нанесли вред интересам имперской политики. Независимость калмыцких ханов в их внутренней политике была сохранена в полном объеме. Они были лишены только права на самостоятельную внешнюю политику.

В 1760-е гг. Россия приступила к реформированию политической системы Калмыцкого ханства, которое при всей осторожности означало наступление на его суверенитет. Одновременно пало Джунгарское ханство. Возникла иллюзия возможности восстановления суверенной государственности приволжских калмыков на его территории. Эти обстоятельства стали главными причинами миграции 1771 г.

Кочевье 1771 г., в отличие от всех ему предшествующих, было актом государственной национальной политики калмыцких ханов, прекрасно организованным и осуществленным. Эта последняя трансконтинентальная кочевая миграция состоялась вопреки господствовавшим тенденциям исторического развития. Поэтому ее главным следствием стало замедление социально-экономического и политического прогресса калмыцкого общества. Сохранение широкой внутренней автономии и компактного расселения калмыков в Российской империи обеспечили им возможность возрождения государственности в XX веке. Однако это возрождение началось позднее, происходило на меньшей территории, в меньших масштабах и с меньшими результатами, чем это могло бы быть, если бы не удался «торгоутский побег» 1771 г.

По теме диссертации опубликованы следующие работы общим объемом 30 п.л.:

1. Колесник В.И. Институт ханской власти у калмыков XVII - XVIII вв. / Ставропольский гос. пед. ун-т. - Элиста, 1996. - 21 с.

2. Колесник В.И. Развитие калмыцкой государственности в составе России // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сборник научных трудов. Элиста, 1997. - С. 14-22.

3. Колесник В.И. Демографическая ситуация в Калмыкии в XVII - XVIII вв. // Проблемы региональной истории России. Сборник статей в трех частях: Материалы Всероссийской конференции по региональной истории. Липецк, 23-24 декабря 1996 г. - Липецк, 1997. - Ч.1. - С. 49-55.

4. Колесник В.И. К вопросу о периодизации истории ойрат-калмыцкой государственности (тезисы доклада) // Культурное и природное наследие в региональной политике: Тезисы докладов научно-практической конференции 26-28 мая 1997 г. - Ставрополь, 1997. - С. 53-55.

5. Колесник В.И. К вопросу об общественном строе калмыков в XIX в. (тезисы доклада) // Астраханский край: история и современность: Всероссийская научная конференция. Астрахань, 26-27 ноября 1997 г. - Астрахань, 1997. - С. 50-52.

6. Колесник В.И. Политические аспекты самосознания ойратов в героическом эпосе «Джангар» (тезисы доклада) // Проблемы современного джангароведения: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию профессора А.Ш.Кичикова. Элиста, 1997. - Кн. 1. - С. 55-59.

7. Колесник В.И. Последнее Великое кочевье (о значении «торгоутского побега» для периодизации всемирной истории (тезисы доклада) // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997): Доклады российской делегации. - М., 1997. - С. 30-32.

8. Колесник В.И. Демографическая история калмыков в XVII - XIX вв.: Учеб. пособие / В.И.Колесник; Калм. гос. ун-т. - Элиста, 1997. - 135 с.

9. Колесник В.И. К вопросу о политике Цинской империи в отношении возвращения калмыков из Нижнего Поволжья в Джунгарию в 1771 г. (тезисы доклада) // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 2: Материалы

Всероссийского организационно-научного съезда «Отечественное востоковедение на пороге XXI века». - М., 1999. - С. 116-118.

10. Колесник В.И. «Торгоутский вопрос» в политике Цинской империи // Вестник Калмыцкого государственного университета. Вып. 1. Элиста, 2000. - С. 14-22.

11. Колесник В.И. Дружина в ойратском обществе в XVII в. // Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора А.Ш.Кичикова. - Элиста, 2003. - С. 149-157.

12. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. - М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2003. - 286 с. (монография).

Подписано в печать 03. 11. 2003 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Уч. изд. л. 2,9.
Тираж 100 экз. Заказ № 3608.

ЛР № 010169 от 07.02.97.
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

2003-A

19412

W19477